

ОПЕЧАТКИ.

На 413 стр., 3-ья строка снизу и на 414 стр., 14-ая строка сверху, подлежат исправленію вкравшіяся, искажающія смыслъ, опечатки.

Въ обоихъ случаяхъ вмѣсто слова **капитализмъ** должно стоять **коммунизмъ**.

Коммунизмъ и Націонализмъ

(По поводу статьи Г. П. Федотова)

Читатели съ несомнѣннымъ интересомъ прочтутъ помѣщенную выше статью «Новый идолъ», яркую, какъ почти все, что выходитъ изъ-подъ талантливаго пера Г. П. Федотова. «Идолъ», ложность котораго избличаетъ авторъ, это — «націонализмъ», «одна изъ самыхъ страшныхъ, сатанинскихъ силъ, господствующихъ въ мірѣ».

Статья Г. П. Федотова затрагиваетъ — не столь по основной своей темѣ, сколь попутно — весьма острыя и для эмигрантскаго сознанія важныя проблемы. Мы убѣждены, что авторъ не постыуетъ на насъ, если въ неполемической репликѣ мы подѣлимся здѣсь возбуждаемыми у насъ его статьей сомнѣніями.

Мы согласны съ авторомъ во многомъ изъ того, что онъ говоритъ о злѣ «націонализма». Правда, самый терминъ этотъ въ его русскомъ словоупотребленіи далеко не односмысленъ, онъ не всегда обозначаетъ дурное извращеніе національнаго сознанія, — не даромъ у насъ еще время отъ времени пишутся статьи на тему «объ истинномъ и ложномъ націонализмѣ». Терминъ «націонализмъ», какъ онъ принятъ въ русской публицистикѣ, недостаточно учитываетъ необходимость этого смыслового различенія: покрывая нерѣдко однимъ именемъ явленія существенно отличныя, онъ способствуетъ смѣшенію понятій, и тѣмъ самымъ вредитъ отчетливости мысли. Этотъ недостатокъ мы готовы видѣть и въ статьѣ Г. П. Федотова. Быть можетъ, ему слѣдовало бы болѣе четко провести различіе между справедливо осуждаемымъ имъ «націонализмомъ» и тѣмъ естественнымъ, здоровымъ и законнымъ національнымъ чувствомъ, положительная цѣнность котораго не подлежитъ спору. Тогда, въ частности, и его жестокое обвиненіе по адресу эмигрантской молодежи, будто бы въ массѣ охваченной націонализмомъ, не носило бы такого огульнаго характера.

Какъ бы то ни было, но въ отрицательномъ отношеніи къ націонализму зоологическому, расовому, воинствующему, одинаково враждебному и праву личности и единству человечества, — у насъ разномыслія съ Г. П. Федотовымъ нѣтъ. И казалось бы, при согласіи съ авторомъ въ самомъ главномъ, неважно, что мы расходимся съ нимъ въ частностяхъ, въ побочныхъ, какъ будто бы не имѣющихъ отношенія къ главной темѣ разсужденій. Но — странная вещь: въ ходѣ размышленій Г. П. Федотова частныя съ нимъ расхожденія, неодинаковое у насъ воспріятіе совѣтской дѣйствительности, приобретають для насъ столь существенное значеніе, что заставляютъ въ концѣ концовъ усумниться, да существуетъ ли между нами дѣйствительное согласіе и въ основномъ.

Врядъ ли это оцущеніе случайно. Мысли Г. П. Федотова, естественно, связаны съ кругомъ идей, проводимыхъ въ редактируемомъ при его участіи «Новомъ Градѣ». Въ комплексѣ же идей «Н. Г.», въ общемъ близкихъ ницшеу этому строки, имѣется одинъ всегда рѣзко раздѣляющій насъ пунктъ — некритически сочувственное отношеніе журнала къ многому изъ того, что совершается при совѣтскомъ режимѣ въ Россіи. Это — частности, отнюдь не вытекающая органически изъ правильной въ общемъ міросозерцательной установки «Н. Г.», и однако не эта послѣдняя, а какъ разъ наоборотъ, какъ бы случайныя «пореволюціонныя» настроенія опредѣляютъ собою характерный обликъ журнала.

Раньше такія настроенія выражались въ плѣненности необычайными социальными-экономическими достижениями совѣтскаго режима. Съ теченіемъ времени эта тема въ «Новомъ Градѣ» какъ то поблекла и отошла на задній планъ, отчего, кстати, журналъ, съ нашей точки зрѣнія, отнюдь не потерялъ въ интересѣ и духовной значительности. Сейчасъ, если судить по напечатанной у насъ въ «С. З.» послѣдней по времени статьѣ Г. П. Федотова, «пореволюціонная» мысль среди проблемъ совѣтской Россіи сосредоточилась на темѣ, не менѣе спорной: на происходящемъ будто бы теперь быстромъ перерожденіи совѣтской власти изъ коммунистической въ национальную россійскую.

Статья Г. П. Федотова — передъ глазами читателей «С. З.» и намъ нѣтъ надобности ее излагать. Укажемъ здѣсь лишь тѣ положенія, о роли совѣтской власти въ существованіи мірового капитализма и въ судьбахъ Россіи, которыя представляются намъ наиболее спорными.

Коммунизмъ, еще вчера грозившій гибелью культур-

ному міру, — сегодня повсюду разгромленъ или внутренне выдохся. Въ половинѣ Европы онъ задушенъ безопадно и окончательно, въ другихъ странахъ онъ ослабленъ трошкнстскимъ расколомъ, во Франціи онъ «присмирѣлъ, мечтаетъ о возвращеніи въ лоно социалистической партіи, выставляетъ умѣренѣйшую парламентскую программу» и т. д. Въ итогѣ, коммунизмъ въ міровомъ масштабѣ больше не существуетъ, онъ — мертвъ. Если бы міровому коммунизму и удалось еще поднять голову, вследствие ли дрящагося капиталистическаго хаоса или въ результатѣ новой міровой войны, то во всякомъ случаѣ онъ больше не будетъ никогда зависѣть отъ Москвы и идейнаго наслѣдія Ленина.

Отмѣтимъ мимоходомъ, что вѣра Г. П. Федотова въ обреченность мірового капитализма намъ представляется чрезмѣрно оптимистической. Болѣзнь, находящая себѣ въ немъ выраженіе, не излечена и не лечится радикально тамъ, гдѣ она загнана внутрь. Впрочемъ, авторъ самъ уничтожаетъ значеніе своего прогноза, обуславливая его прекращеніемъ «капиталистическаго хаоса». Но хозяйственный хаосъ, въ которомъ лишь отчасти повинна капиталистическая система, а вмѣстѣ съ тѣмъ и социальное броженіе во всемъ мірѣ обезпечены человечеству надолго, не на одно поколѣніе во всякомъ случаѣ. И почему, въ такомъ случаѣ, Москва въ впредь не играть роли если и не руководящаго организационнаго центра, то во всякомъ случаѣ центра идейнаго, красной Мекки, носительницы социальнаго мифа, сосредоточивающей въ себѣ, какъ въ фокусѣ, движенія недовольства во всемъ мірѣ? — Это болѣе невозможно, отвѣчаетъ Г. П. Федотовъ.

Ибо, одновременно съ разложеніемъ коммунизма во всемъ мірѣ, въ Россіи происходитъ процессъ знаменательный: тамъ «побѣждаетъ національная идея». Большевики «похоронили окончательно мечту о міровой революціи, они «прекратили свою поддержку коммунистамъ Европы». И эта перемена у большевиковъ, можно сказать, не за страхъ, а за совѣсть: «политика и идеологія самихъ совѣтовъ вступила въ фазу острой национализации». Это и не удивительно — самъ Сталинъ «никогда не былъ интернационалистомъ по своей природѣ», теперь же коммунистическій интернационализмъ для него то же самое, что православіе для императорской дипломатіи, — «необходимый декорумъ для защиты национальныхъ интересовъ»: Сталинъ, измѣняя себѣ, превращается въ вульгарнаго национали-

ста. Настоящее имя для строя СССР это — фашизмъ или, если угодно, националь-соціализмъ.

Таковъ новый аспектъ, въ которомъ представляется теперь «пореволюціонному» сознанію провиденціальная роль совѣтской власти. Вновь, впрочемъ, онъ только въ писаніяхъ даннаго автора, кажется. Полгода тому назадъ эти мысли можно было, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, найти въ статьѣ «Многобожіе и націонализмъ» — во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ превосходной — у Н. А. Бердяева*). Вообще же мифъ о национально-имперіалистической мисси совѣтской власти имѣть по крайней мѣрѣ пятнадцатилѣтнюю давность. Напрасно честь его изобрѣтенія Г. П. Федотовъ такъ легко уступаетъ «дадыновиднымъ европейцамъ», — авторство легенды, какъ извѣстно, безраздѣльно принадлежитъ нашему соотечественнику, проф. Н. Устрялову. «Интернаціональ-ли нечестивыми звуками оскверняютъ Спасскія Ворота, или Спасскія Ворота кремлевскимъ вѣніемъ вкладываютъ новый смыслъ въ интернаціональ?» — ставилъ вопросъ, еще въ 1920 г., Устряловъ (въ сборникѣ «Въ борьбѣ за Россію», позже въ «Смѣнѣ Вѣхъ»), и отвѣчалъ, что большевики стали имперіалистами «едва ли не въ большей степени, чѣмъ самъ П. Н. Милюковъ».

Указываемъ на этотъ первоисточникъ отнюдь не въ укоръ Г. П. Федотову, тѣмъ болѣе, что и совпаденіе его съ Устряловымъ — въ признаніи лишь самаго факта происходящей будто бы націонализациі совѣтской политики, но не въ одинаковомъ отношеніи къ нему: въ то время, какъ націоналистъ Устряловъ готовъ отъ души привѣтствовать «имперіализмъ» совѣтской власти, антинаціоналистъ Г. П. Федотовъ этотъ «имперіализмъ», хотя и съ оговорками, все же осуждаетъ. Къ тому же, почему бы не допустить, что въ писаніяхъ Устрялова, наряду съ заблужденіями, могла быть какая-то доля очень горькой правды. Мы только вправѣ требовать, чтобы при очевидности непрерывно вотъ ужъ столько лѣтъ производимаго большевиками разгрома національной Россіи, вся тяжесть доказательства происходящей будто бы въ правящихъ совѣтскихъ кругахъ «побѣды національной идеи» лежала на тѣхъ, кто этотъ тезисъ утверждаетъ.

---

*) «Путь», № 43. «Коммунистическій интернаціонализмъ въ Россіи очень легко обобщивается совѣтскимъ имперіализмомъ и это даже уже происходитъ... Сталинизмъ почти уже не отличается отъ фашизма... За призывомъ совершить планетарную социальную революцію скрытъ русский мессіаниззмъ».

Напрасно однако было бы искать у Г. П. Федотова такихъ доказательствъ. Слѣдуя укоренившемуся въ «пореволюціонной» публицистикѣ удобному методу, онъ ограничивается лишь интуитивными прозрѣніями и чистыми «утвержденіями», не обременяя себя заботой подкрѣпить ихъ ссылкой на безспорные факты, достовѣрные свидѣтельства. Дѣйствительная жизнь стилизуется подъ апіорную схему. Не отвѣчаетъ прежде всего дѣйствительности представленіе, будто измѣнилась по существу, а не по внѣшности только, международная политика большевиковъ.

Въ связи съ обозначившейся угрозой на Дальнемъ Востока и съ приходомъ къ власти въ Германіи Гитлера, большевики (и они ли одни?) дѣйствительно радикальнымъ образомъ перемѣнили свою оріентацію и тактику въ международныхъ отношеніяхъ, вошли въ Лигу Націй, сблизились съ Франціей и т. п. Все это, съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ большевиковъ, совершенно понятно, логично, разумно; косвенно, быть можетъ, небезвыгодно и для Россіи въ ея теперешнемъ печальномъ положеніи. Но откуда слѣдуетъ, что большевики при этомъ дѣйствуютъ въ безкрыстной заботѣ о национальномъ интересѣ Россіи, что они въ самомъ дѣлѣ окончательно отказались отъ расчета на мировую революцію, всерьезъ прекратили всякую поддержку иностранныхъ коммунистическихъ партій? Гдѣ гарантіи, что въ случаѣ рѣзкой перемѣны международной обстановки совѣтская власть въ 24 часа не измѣнитъ и оріентацію свою и тактику, а при серьезныхъ шансахъ на выгодную для нея революцію въ Европѣ задумается мобилизовать любую изъ сохраняемыхъ ею повсюду про запасъ зависящихъ отъ нея коммунистическихъ партій*).

Не убѣдительно, въ частности, и ссылка Г. П. Федотова на окончательное будто бы разложеніе коммунизма во Франціи. Французская коммунистическая партія, входящая въ москов-

*) Что такое представленіе о совѣтской политикѣ вовсе не есть плодъ эмигрантскаго озлобленнаго воображенія, доказываютъ свидѣтельства лицъ, прѣзжающихъ изъ самой Россіи. Обращаемъ вниманіе Г. П. Федотова на показанія недавно бѣжавшаго изъ Россіи И. Солоневича, печатающаго сейчасъ свои интересные очерки въ «Посл. Новостяхъ»: «Совѣтская власть ставитъ своею цѣлью мировую революцію. Въ виду того, что надежды на близкое достиженіе этой цѣли рухнули, страна должна быть превращена въ моральный, политическій и военный плацдармъ, который сохранилъ бы до удобнаго момента революціонные кадры, революціонный опытъ и революціонную армію».

ский Коминтернъ, дѣйствительно оказалась въ шекотливомъ положеніи въ виду официальнаго соглашенія ея московскихъ хозяевъ съ французскимъ «фашистскимъ» правительствомъ. Она, однако, подъ талантливымъ руководствомъ Москвы, отлично сумѣла использовать съ выгодой для себя даже это свое парадоксальное положеніе. Коммунисты, вовлѣкши французскую социалистическую партію въ самоубійственный для этой послѣдней шивическій «единый фронтъ», морально убили и сѣ за счетъ скомпрометированной ими и разложившей соц. партіи. И это Г. П. Федотовъ изображаетъ какъ тягу «выдохшихся» французскихъ коммунистовъ къ возвращенію въ лоно социалистической партіи и къ методамъ умѣренного парламентаризма.

Но въ сферѣ отношеній международныхъ дѣйствія совѣтской власти еще могутъ временами принимать видимость политики національной. По отношенію къ вѣщему міру интересы собственного самосохраненія, желаніе удержать выгодный «плацдармъ» въ ожиданіи мировой катастрофы могутъ иногда быть связаны для большевиковъ съ необходимостью защищать независимость и территориальную неприкосновенность Россіи. Совѣтъ иное дѣло политика внутрення. Уже вовсе въ полномъ противорѣчій съ дѣйствительностью оказываются «пореволюціонеры», когда, вопреки очевидности, усматриваютъ «побѣду національной идеи» и въ области внутреннихъ взаимоотношеній совѣтскаго правительства съ собственнымъ народомъ.

Одно время, въ эпоху Земельнаго Кодекса 1922 г. и Нэпа, примиреніе и сотрудничество народа съ властью казались возможными. Эту возможность, открывавшую перспективы мирнаго возрожденія Россіи отвергли сами большевики. Съ упорчивымъ диктатурой того самаго Сталина, котораго теперь Г. П. Федотовъ изображаетъ добрымъ русскимъ націоналистомъ, съ началомъ гибельной «генеральной» линіи, власть вступила въ открытую войну съ русскимъ народомъ, неуклонно продолжаетъ ее и по сей день.

Иначе и быть не могло, поскольку большевики, какъ мы въ томъ убѣждены, въ основѣ остаются вѣрны своей идеологій. Опасны всякія на этотъ счетъ иллюзіи. Открытіе Г. П. Федотова, что Сталинъ «никогда не былъ интернационалистомъ», цѣлкомъ остается на отвѣтственности автора. Безъ одержимости идеей хотя бы и безумной, положительно необъяснима способность большевиковъ идти на величайшія, неслыханныя въ исторіи человечества преступленія, хладнокровно обрекать въ жертву милліоны жизней, разрушать матеріальныя и духов-

ныя основы бытія Россіи. Только будучи во власти мистики избранныя класса можно сознательно разрушать живое единство русскаго народа, жертвовать исторической Россіей изъ-за миража пролетарской интернаціональной республики. Нельзя большевиковъ представлять себѣ сплошнымъ сбормишемъ о нихъ только изверговъ и проходимцевъ, — сила коммунистической партіи въ ея какомъ-то все же идейномъ костякѣ. Но тѣмъ болѣе страшную опасность представляютъ собою московскіе коммунисты и для Россіи и для человѣчества: честные изувѣры и безумцы всегда во много разъ опаснѣе вульгарныхъ преступниковъ.

Совершенно очевидно, что, стоя обѣими ногами на почвѣ классовой борьбы и межклассовой ненависти, съ успѣхомъ можно вести только перманентную гражданскую войну въ странѣ, но никакъ не строить національное государство. Такая непрерывная гражданская война въ Сов. Россіи и происходитъ *) и можетъ окончиться она только съ окончательной гибелью одной изъ сторонъ. Результаты — слишкомъ извѣстны, они менѣе всего свидѣтельствуютъ о національномъ созидательномъ геніи у большевиковъ. И дѣло не только въ милліонахъ людей, умеренныхъ голодомъ и замученныхъ на каторжныхъ работахъ, въ уничтоженіи колоссальныхъ матеріальныхъ цѣнностей и безсмысленномъ расточеніи народнаго труда, въ обнищаніи массъ, во всеобщемъ рабствѣ: знаменательно, съ какою особой яростью разрушаютъ большевики все то, въ чемъ преслывались въ историческомъ прошломъ подлинно-національныя черты матеріальнаго быта и духовнаго облика русскаго народа, будь то своеобразіе крестьянскаго земельного уклада, внутренняя полнота русской литературы или религіозная жизнь православія. Подъ запретомъ самое имя Россіи, уничтожены историческая наука и преподаваніе исторіи и даже художественные историческіе памятники, свидѣтельствующіе о прошломъ, подъ благовиднымъ предлогомъ стираются съ лица земли. Голое поле для бездушнаго марксистскаго эксперимента, на мѣ-

---

*) Еще одно свидѣтельство И. Солоневича, только что оставившаго совѣтскую Россію. «Двѣ чудовищныя силы сцепились другъ съ другомъ въ обхватку, въ безпримѣрной по своей напряженности и трагичности борьбѣ... Люди не хотятъ становиться на службу міровой революціи и не хотятъ отдавать этой цѣли своего достоинства и своихъ жизней. Власть сильнѣе «людей», но «людей» больше. Водораздѣлъ между властью и «людьми» проведенъ съ такой рѣзкостью, съ какой это обычно бываетъ въ эпохи иноземнаго завоеванія».

ствѣ вѣками воздвигавшагося культурно-историческаго зданія національной Россіи — таковъ осуществляемый большевиками идеаль.

Знаемъ, что нарисованная нами мрачная картина внутренняго состоянія Россіи не убѣдитъ Г. П. Федотова, — мы давно съ нимъ расходимся въ онѣмъ происходящихъ въ совѣтской Россіи процессовъ. Но въ одномъ, увѣрены, расхожденія между нами нѣтъ и оно какъ будто невозможно: въ признаніи невыносимо тяжелаго, истинно трагическаго положенія русскаго народа подъ террористическимъ совѣтскимъ режимомъ. При такихъ условіяхъ слова о «національной» оріентаціи политики власти должны быть особенно звѣшны, чтобы не прозвучать невольнымъ издѣвательствомъ надъ ея жертвами. На чемъ же основано утвержденіе о «побѣдѣ національной идеи» во внутренней политикѣ совѣтской власти?

Доказательства Г. П. Федотова, на нашъ взглядъ, не только не подкрѣпляютъ рискованнаго тезиса, но лишь яснѣе обнаруживаютъ его несостоятельность. Нельзя же въ серьеозъ видѣть доказательство перерожденія національнаго совѣтской власти въ фактъ, что, очевидно въ связи съ угрозой на Дальнемъ Востокѣ, въ одинъ прекрасный день всѣ совѣтскія газеты вдругъ какъ по командѣ вспомнили о существованіи въ русскомъ языкѣ слова «родина». Усмотрѣть въ этомъ чуть ли не историческое событіе — по меньшей мѣрѣ странно. Газеты, вспоминая о родинѣ, такъ же внезапно, по внушенію сверху, о ней и забудутъ, по минованіи надобности. Такъ было — во время войны съ поляками въ 1920 г., такъ будетъ — всегда, когда большевики попадутъ въ трудное положеніе. Мы не раздѣляемъ подъема, переживаемаго по этому поводу Г. П. Федотовымъ и, признаться, скорѣе съ чувствомъ досады читаемъ его лирическія строки: «вещь неслыханная, невозможная вчера: въ СССР родина объявлена священнымъ словомъ... оно звучитъ, какъ голосъ изъ иного міра... Родина — открытый въ пустынѣ родникъ; какъ понятно, что люди, забывшіе вкусъ живой воды, пьютъ и не могутъ напиться» и т. д., и т. д. *).

*) Въ вышедшемъ на дняхъ національ-бolshevikомъ журналчикѣ «Завтра», тоже причисляющемъ себя къ «революціонному сектору эмиграціи» вмѣстѣ съ устряловцами, младороссами, новоградцами и др., — обращаетъ на себя вниманіе совпаденіе во многомъ съ темой и выводами статьи Г. П. Федотова, при крайне низкомъ уровнѣ писаній. Иметь сплошной словесный трезвонъ по поводу того, что «Влады Революціи, Сталинъ, призываетъ гражданъ къ защитѣ

Не меньшее недоумѣніе вызываетъ у насъ и энтузіазмъ, который, повидимому, испытываетъ Г. П. Федотовъ по поводу самыхъ ничтожныхъ и случайныхъ послабленій совѣтской власти на культурномъ фронтѣ. «Русская культура получила амнистію... Старая, разстрѣлянная, заплеванная, изгнанная русская интеллигенція можетъ сказать свое «{быть отпу-щаеши»: побѣдители склоняются передъ ея святыней». Право, не зная въ чемъ дѣло, можно подумать, что большевики если еще и не даровали свободу печатнаго слова, то по крайней мѣрѣ возстановили университетскую автономію. На самомъ дѣлѣ — они всего лишь, какъ етъ ся, собираются, быть можетъ временно, нѣсколько либеральнѣе разрѣшить перепечатку русскихъ классиковъ. Да и то ренегатъ Д. Заславскій можетъ публично кричать «слово и дѣло» по поводу того, что разрѣшено переиздание неудобнаго ему романа Достоевскаго.

Воистину, надо быть очень, очень мало требовательнымъ, чтобы на мрачномъ фонѣ продолжающагося разгрома Россіи въ разрѣшеніи склонять во всѣхъ падежахъ слово «родина», да въ возможности легально читать Пушкина увидѣть зорю новаго дня, «побѣду національной идеи» въ сов. Россіи.

Мы не можемъ, лишь мимоходомъ, входить въ разсмотрѣніе по существу очень важной проблемы, поднятой въ статьѣ Г. П. Федотова, о судьбѣ «націонализма» въ Европѣ. Ограничимся только самыми бѣглыми замѣчаніями.

Врядъ ли правъ Г. П. Федотовъ, утверждая, что націонализмъ, являвшійся въ Европѣ творчески оплодотворяющей силой въ прошломъ вѣкѣ, къ настоящему времени духовно себя исчерпалъ (авторъ дѣлаетъ лестное исключеніе лишь для близкихъ ему по духу, незначительныхъ количественно и по своему удѣльному вѣсу, интеллигентскихъ теченій во Франціи и Англіи). Здѣсь мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ той досадной неясностью въ употребленіи термина, о которой мы говорили въ началѣ. Надо договориться, въ чемъ дѣло.

Или націонализмъ — это лишь болѣе краткій синонимъ для обозначенія комплекса здоровыхъ національныхъ чувствъ, сознанія, устремленія воли, и тогда онъ никогда не можетъ

отечества... слово родина не сходить со столбцовъ печати... Н.-большевики не знаютъ мѣры въ восторгѣхъ по случаю этого «событія»: «Россійская Революція стихійно націонализируется... напоръ внешнихъ водъ прорвалъ всѣ заградительныя приспособленія... Черезъ шлюзы хлынула уже несдерживаемый ничѣмъ патріотическій потокъ» и т. д., и т. д.

утратить своего положительнаго значенія въ жизни человѣчества. Быть можетъ, въ наступившихъ во всемъ мѣрѣ трудныхъ условіяхъ борьбы за существованіе значеніе національной сплоченности только возрастаетъ. Или же націонализмъ есть понятіе, исключительно означающее только болѣзненную деформацию національнаго духа, которую, вѣроятно, было бы правильно называть особымъ именемъ, напр., шовинизмомъ. Такой чисто отрицательный націонализмъ — несомнѣнное зло, но быть имъ всегда и, слѣдовательно, не могъ и въ прошломъ играть положительную творческую роль.

Осторожное пользованіе неоднозначнымъ терминомъ устранило бы чисто словесныя разногласія въ спорѣ о роли современнаго націонализма. Но еще важнѣе не упускать изъ виду, что въ исторической жизни народовъ не бываетъ воплощенія въ чистомъ видѣ ни идеальнаго добра — абсолютно гармоническаго національнаго сознанія, ни кромѣшнаго зла — «сатанинскаго» его перерожденія. Въ реальной дѣйствительности непрѣмѣнно дано только ихъ сочетаніе въ той или иной мѣрѣ. Любая степень искаженія національнаго духа предполагаетъ все же первоначальную наличность самой національной стихіи. Всѣ, вплоть до самыхъ изувѣрскихъ и отвратительныхъ изъ существующихъ сейчасъ въ Европѣ націоналистическихъ режимовъ, возможны только потому, что какими-то сложными и загадочными, иногда совершенно непостижимыми для посторонняго наблюдателя путями связаны съ національной стихіей изродныхъ массъ.

И въ этомъ — то ихъ относительное преимущество, та низшая степень въ іерархіи зла по сравненію съ коммунизмомъ, которыхъ, повидимому, не хочетъ видѣть Г. П. Федотовъ. Если «национализмъ» (шовинизмъ), являясь несомнѣнной болѣзнью національнаго духа, все же какимъ-то образомъ связанъ въ послѣднемъ счетѣ съ народами, какъ конкретнымъ единствомъ, то интернационализмъ (коммунизмъ) уходитъ своими корнями въ «классъ», искусственно абстрагированную отъ реальнаго единства часть, внѣ этого единства не имѣющую собственного бытія.

Съ этой точки зрѣнія «националистическое» перерожденіе совѣтской власти, какъ бы оно ни чуждо нашему демократическому сознанію, было бы все же меньшимъ зломъ по сравненію со зломъ существующимъ, т. е. могло бы считаться относительно меньшимъ шагомъ впередъ. Возможно ли однако такое перерожденіе?

Теоретически, на протяженіи какого-то болѣе длительна-

го историческаго періода, такую перспективу нельзя считать вовсе исключенной, — почему бы и не быть русскому Термидору? Но наблюдая все то, что происходитъ въ Россіи за послѣдніе годы, довѣряя только фактамъ и дѣйствіямъ, а не словамъ и благимъ пожеланіямъ, — мы со всей категоричностью утверждаемъ: до тѣхъ поръ, пока Россіей будетъ править тотъ большевизмъ, который въ партіи персонифицируется Сталинымъ, пока сущность политики совѣтской власти во всѣхъ областяхъ матеріальной и духовной жизни народа опредѣляется безумной и бездушной «генеральной линіей», — никакимъ надеждамъ на мирную эволюцію совѣтской власти, въ томъ числѣ и въ вариантѣ націоналистическомъ, мѣста быть не можетъ. Историческую тяжбу между русскимъ народомъ и большевиками рѣшить только сила.

Въ заключеніе — лишь два слова объ эмиграціи. По отношенію къ ней Г. П. Федотовъ непоимѣрно суровъ, въ сгущеніи черныхъ красокъ чувствуется недостатокъ справедливости, если не раздраженіе. Эмиграція заражена, разумѣется, непозволительнымъ «націонализмомъ». Она или совершенно равнодушна къ русской культурѣ, или даже страдаетъ культурофобіей. Православная церковь находится въ унижительной зависимости отъ воинскихъ организацій. Въ массѣ молодежи тоже разливается «націонализмъ», она увлекается военной и т. д.

Въ виду недостатка мѣста, вынуждены позаимствовать у революціонеровъ нами же у нихъ критикуемый методъ бездоказательныхъ «утвержденій», обязуясь, если понадобится бы, обосновать ихъ впоследствии. Итакъ, «утверждаемъ»: русская эмиграція вовсе не грѣшитъ избыточностью національнаго самосознанія и спайки, а, наоборотъ, отличается ихъ недостаткомъ, по сравненію, напр., съ былой польской эмиграціей или хотя бы современной армянской. Православная церковь, благодаря мудрому руководительству достойнаго ея главы, въ общемъ благополучно выведена изъ плѣна эмигрантской политики, въ которомъ она находилась въ первые годы. «Націонализмъ» молодежи... Вѣримъ свидѣтельству Г. П. Федотова, что извращенія національнаго чувства среди эмигрантской молодежи встрѣчаются (не только среди молодежи правой, но и въ близкомъ Г. П. Федотову «пореволюціонномъ секторѣ эмиграціи»). Но, признаться, гораздо болѣе грозную опасность мы видимъ въ обратномъ процессѣ массовой утраты его національнаго облика, чѣмъ въ нѣкоторой экзальтаціи національнаго чувства, до нѣкоторой степени извинительной у изгнанниковъ.

В. Рудневъ.